

УДК 930. 9 (430)

Романько О. В.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (1941 – 1944)

Немецкая оккупационная политика на временно оккупированной территории СССР в 1941 – 1944 гг. только на первый взгляд кажется хорошо изученной темой, не содержащей ни одного белого пятна, хотя на самом деле она является более проблематичной, чем это представлялось официальной историографией.

В последней же вся оккупационная политика Германии сводилась к экономическому ограблению захваченных территорий и зверствам оккупантов над населением. Тогда как совсем был забыт важный, на наш взгляд, аспект этой политики – коллаборационизм (или сотрудничество) определенной части населения с оккупационными властями. Он осуществлялся по двум направлениям: гражданский коллаборационизм – работа в органах оккупационной администрации или в составе органов «самоуправления» и коллаборационизм военный – прямое или косвенное участие в боевых действиях в составе так называемых добровольческих формирований, действовавших либо в составе немецких воинских соединений, либо автономно от них, но подчиняясь немецким властям.

Надо сказать, что такое явление как коллаборационизм имел место и в Западной Европе, где он и получил свои классические формы (стоит хотя бы упомянуть «правительства» Квислинга в Норвегии, Стаунинга в Дании и Пэтена во Франции). Однако вследствие того, что до оккупации эти государства имели демократическую форму правления, коллаборационизм не принял в них той остроты, которую он получил на Балканах и в СССР, что побудило многих исследователей сравнивать его там с гражданской войной [15, с. 287-317]. Это одна из сторон коллаборационизма, которая обусловлена политической системой государства

Согласно «Краткому политическому словарю», «коллаборационисты (от фр. collaboration – сотрудничество) – это лица, сотрудничавшие с немецко-фашистскими захватчиками в оккупированных гитлеровской Германией странах в 1939-1945 гг...» [11, с. 131], т. е. как таковой коллаборационизм возник только в годы войны и присущ только оккупационной политике Германии.

Это второй аспект коллаборационизма. Он объясняется тем, что «согласно статье 43 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1907), командующий армией в оккупированной стране отвечал за восстановление и

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (1941 – 1944)

обеспечение, насколько это возможно, общественного порядка и безопасности. Ему принадлежала административная власть. Он пользовался суверенными правами, издавал законы, обеспечивал работу (местных – О.Р.) административных органов (не подменяя их – О.Р.)» [6, с. 28-29] и, необходимо добавить, не заменяя их по своему усмотрению.

Однако именно этот принцип в поведении оккупирующего государства и был нарушен Германией сначала в Западной и Центральной Европе, а затем и на оккупированных территориях СССР.

Еще до начала осуществления плана «Барбаросса» было создано Министерство по оккупированным восточным территориям, во главе которого был поставлен нацистский теоретик и русофоб А. Розенберг, который подчинялся непосредственно Гитлеру. Уже из названия министерства видно, что оно должно было осуществлять высшую политическую власть на оккупированных территориях СССР после их «умиротворения».

В одном из своих выступлений Гитлер сказал, что война с большевистской Россией это не просто война двух государств, это война двух мировоззрений и государственных систем. Из этого следует, что, не признавая равной стороной правительство СССР, Германия не признавала и органы советской власти на местах собственно органами власти. После «умиротворения» территорий они должны были быть уничтожены, а их место должны были занять чиновники Розенберга. По идее, эти чиновники должны были находиться во всех звеньях власти, начиная с низших и кончая самыми высокими.

Выше не случайно было сказано, что Розенберг был русофобом. Именно русофобия была краеугольным камнем всей его политики, главной целью которой он считал ослабление России путем ее расчленения и отторжения от нее национальных окраин.

В идеале, Розенберг предполагал после разгрома СССР дать (естественно, с согласия Гитлера) «независимость» республикам Прибалтики, Украине, Белоруссии, народам Кавказа и Средней Азии. Конечно же, их «независимость» была бы в полной зависимости от германской политики, а их основная роль как независимых государств заключалась бы, прежде всего, в создании «санитарного кордона» вокруг России.

Однако Гитлер воспротивился этим планам Розенберга. По его мнению «на Востоке не должно быть никаких государственных образований», даже в таком урезанном виде. Поэтому расчленение территории СССР должно было проводиться по административному признаку, но с учетом национальных особенностей будущих административных единиц.

В результате территорию СССР было решено поделить на следующие административные единицы – рейхскомиссариаты: «Остланд» (в него должны были быть включены республики Прибалтики и Белоруссия), «Украина» (в составе Украинской ССР и южных областей Белоруссии), «Кавказ» (собственно Кавказ, Закавказье и Поволжье), «Туркестан» (республики Средней Азии) и, наконец, «Московия» (Центральные области России) [1, с. 238-243].

01.09.1941 г. начали действовать первые два рейхскомиссариата, остальные же так и остались на бумаге, поскольку СССР не удалось разгромить за две недели. Поэтому большая часть оккупированной территории не могла быть передана в гражданское управление, так как считалась либо зоной боевых действий, либо тыловой зоной армий и групп армий. На них была установлена власть военной администрации, что впоследствии наложило свой отпечаток на оккупационную политику в целом и на использование коллаборационистов в ней в частности [5, с. 102-105, 107-108].

Не удалось немцам осуществить и следующие этапы своего плана по оккупации территории СССР: поставить немецких чиновников во всех звеньях оккупационного аппарата. На наш взгляд это произошло по двум причинам:

Отсутствие такого количества немецких чиновников.

Одним из способов «умиротворения» оккупированных территорий немцы, наряду с разжиганием национальной розни и антирусских настроений, считали подрыв лояльности местного населения по отношению к советской власти и, как следствие, завоевание этой лояльности властью немецкой.

Второго можно было добиться как путем жестоких репрессий, так и мирным, пропагандистским путем. А кто, как не чиновники оккупационной администрации, набранные из местных жителей или из эмигрантов, которые не забыли еще родного языка и обычаев, могли стать наилучшими проводниками оккупационной политики.

Здесь нам необходимо по подробней остановиться еще на одной особенности проявления коллаборационизма в СССР. Эта особенность связана с использованием такого орудия германской внешней политики, как так называемые «пятые колонны», их созданием и деятельностью в государствах, которые должны были подвергнуться агрессии нацистов.

История возникновения этого термина уходит своими корнями в события, связанные с гражданской войной в Испании (1936-1939). Именно тогда один из франкистских генералов, Э. Моло сказал: «...Мы наступаем на Мадрид четырьмя колоннами. А в самом Мадриде нас ожидает пятая колонна» [21, с. 385].

С тех пор это название стало нарицательным и обозначает «вражескую тайную агентуру в ой или иной стране, используемую для разложения тыла» [11, с. 274]. В мирное время «пятая колонна» занималась шпионажем, а уже во время войны она переходила к более активным действиям. Таким образом, «пятая колонна» в мирное время – это коллаборационисты во время войны.

Как-то в разговоре с одним из своих соратников, Г. Раушнингем Гитлер сказал: «Когда я начну войну... то в один прекрасный день, еще в мирное время, я обеспечу появление наших войск в Париже. Они будут одеты во французскую форму и промаршируют по улицам среди бела дня. Никто не задержит их... Я заранее установлю связь с людьми, которые образуют новое правительство. Правительство, которое мне подходит. Мы найдем таких людей, найдем их в любой стране...» [17, с. 23-24].

И эта фраза стала своего рода постулатом в использовании «пятых колонн».

Как и из кого создавались «пятые колонны»?

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (1941 – 1944)

На первую часть этого вопроса можно ответить однозначно – вся их деятельность прежде всего была связана с деятельностью спецслужб Германии. Именно они занимались подбором кадров для «пятых колонн» и координировали их деятельность [5, с. 121-135].

Кадры же для них вербовались в следующих слоях населения той или иной страны:

1. Среди национальных меньшинств, проживающих в данном государстве. Причем, предпочтение отдавалось немецкому национальному меньшинству, так называемым «фольксдойче», как это происходило в Чехословакии (Судетский кризис) и Польше (вопрос о Данциге) [12, с. 21-91]. Если же немецкое национальное меньшинство было недостаточно многочисленным, то в обработку брались представители любых других национальных меньшинств или народов, недовольных своим подчиненным положением в данном государстве: например, хорваты в Югославии, западные украинцы в Польше, валлоны в Бельгии и т. п. [4, с. 124-125, 135-136; 7, с. 341-382; 19, с. 225, 235-236];

2. Среди представителей крайне правых, профашистских и откровенно фашистских партий, деятельность которых была разрешена в данном государстве. Здесь классическим примером является партия «Национальный собор» В. Квислинга (Норвегия), имя которого стало символом коллаборационизма [7, с. 341-382];

3. Среди представителей легальных, но оппозиционных партий, недовольных тем, что их отстранили от власти. Подобная ситуация сложилась во Франции перед второй мировой войной [8, с. 140-141, 199-201].

Однако не следует думать, что нацисты использовали в определенной стране только какую-то одну из выше названных категорий. Нет. Имел место их комплекс, только, исходя из региональных особенностей, какая-то категория преобладала.

Таким образом обстояли дела в Западной и Восточной Европе. В СССР же немцам так и не удалось создать перед войной хотя бы подобие организованной «пятой колонны», не смотря на все имеющиеся предпосылки. На наш взгляд эта неудача объясняется тем, что при режиме личной власти, который существовал тогда в СССР, нельзя было говорить о какой-нибудь серьезной оппозиции. Это же касается и самой Германии.

Поэтому немцы в качестве «пятой колонны» для СССР решили использовать те эмигрантские организации, с которыми германские спецслужбы установили контакты еще до прихода нацистов к власти [19, с. 43, 45; 20, с. 145, 168].

Эти эмигранты привлекались в качестве экспертов в Министерстве восточных территорий, в качестве переводчиков, как при воинских частях, так и административных органах, в составе органов пропаганды и, наконец, в качестве представителей администрации на низовых уровнях (бургомистры, мировые судьи по гражданским делам и т. п.).

Из эмигрантов в начале войны были созданы и первые «добровольческие формирования» в составе германских вооруженных сил: украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», «Русский корпус», действовавший в Сербии и некоторые другие [15, с. 302-305].

Однако время показало, что, опираясь только на одних эмигрантов, немцы не завоеуют лояльности населения, которое относилось к последним, зачастую, как к чужакам. К тому же эмигранты, проживая до войны за границей, не знали реалий жизни на своей бывшей родине, которая все-таки изменилась за 20 лет советской власти.

Поэтому немецкие оккупационные власти начали привлекать на работу в местные органы и граждан СССР, обиженных советской властью, которых в то время очень много.

Таким образом, к середине осени – началу зимы 1941 г. на оккупированной советской территории была создана более или менее дееспособная оккупационная администрация, которая опиралась на местных (в основном) коллаборационистов. Тем не менее, она не была чем-то однородным и имела определенные региональные отличия, связанные с национальной политикой немцев.

На наш взгляд следует выделить несколько основных тенденций в использовании оккупантами коллаборационистов в гражданской сфере.

Так, в Белоруссии, на Украине и в западных областях РСФСР были повсеместно созданы местные самоуправления, которые в своих полномочиях не поднимались выше уровня городского самоуправления. Выше этого уровня власть целиком принадлежала немецким чиновникам [3, с. 508-509].

В противоположность этому, в Прибалтике были созданы самоуправления на уровне генеральных комиссариатов «Эстония», «Латвия» и «Литва». В принципе они должны были осуществлять высшую гражданскую власть в этих республиках, тогда как на самом деле они играли роль совещательных органов при немецком чиновнике – генеральном комиссаре [14, с. 257].

Такое доверие немцев к прибалтам было не случайным. Дело в том, что со временем этот регион должен был стать частью «жизненного пространства» немецкой нации. Местное же население предполагалось онемечить: чтобы этот процесс происходил безболезненно, необходимо было создать иллюзию участия прибалтов в решении своей судьбы [1, с. 140-142].

Вместе с тем оккупантами подавлялась малейшая попытка местных коллаборационистов провозгласить «независимое» государство, как это было в Словакии и Хорватии. Так, 24.06.1941 г. имела место попытка украинских националистов провозгласить во Львове «Независимую Украину». Эта попытка была безжалостно подавлена немецкими властями [10, с. 113-120].

Несколько иначе складывались дела в сфере использования коллаборационистов в немецких вооруженных силах. Как-то на одном из совещаний в своей ставке Гитлер заявил, что в будущем Великогерманском рейхе только немцам будет позволено носить оружие [2, с. 85]. Поэтому не могло быть и речи о создании каких-либо национальных формирований из граждан СССР.

Однако события распорядились совсем по другому. Уже с первых дней войны немцы стали нести большие потери и, чтобы их восполнить, отдельные командиры стали принимать в штат своих соединений на должности поваров, конюхов, шоферов, санитаров и т. п. советских военнопленных и местных добровольцев. Их сначала называли «наши Иваны», а потом они получили официальное название

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА
ТЕРРИТОРИИ СССР (1941 – 1944)**

«Hilfswilligen» («добровольные помощники») или сокращенно «хиви». Со временем их стали использовать и в боевых подразделениях наравне с немецкими солдатами. Штаты пехотной дивизии 1943 г. предусматривали 2005 должностей для «хиви», однако в действительности их было больше – до 20-30% от общей численности пехотных дивизий [13, с. 177].

Привлечением подобных добровольцев занимались и неармейские структуры: например, созданные службой безопасности (СД) «эйнзатцгруппы», которые должны были стать инструментом «немецкой расовой политики» на оккупированных территориях. Они предназначались для карательных акций против местного населения, с целью уничтожения «социально-опасных элементов»: евреев, комиссаров, партизан и т. п. Естественно, что вся «черная» работа ложилась на добровольцев из числа местных жителей. Так, в «эйнзатцгруппе Д», действовавшей на юге Украины и в Крыму, около ¼ контингента составляли местные добровольцы [18, с. 287].

Осенью 1941 г. как в тылу групп армий, так и на территории рейхскомиссариатов началось формирование «вспомогательных соединений полиции порядка». Они делились на несколько категорий и подчинялись начальнику СС и полиции данного рейхскомиссариата. Состояли они из местных добровольцев: в их состав принимались все, кто не был «замешан» в сотрудничестве с советскими органами и НКВД. На территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии в ее состав, как правило, входили члены местных националистических антисоветских организаций [23, р. 13-17].

Однако, если иметь в виду национальный признак, то предпочтение отдавалось в первую очередь прибалтам, украинцам и казакам.

Надо сказать, что к подобным соединениям следует отнести и так называемые «экспериментальные формирования», создававшиеся офицерами вермахта из советских военнопленных для охраны тыловых районов армейских частей. В их числе такие, как «Русская национальная народная армия» (РННА) и «Русская освободительная народная армия» (РОНА), известная как «Бригада Каминского» [15, с. 305-306].

В декабре 1941 г. немецкое верховное командование приняло решение о наступлении на Кавказ. Этой акции должна была предшествовать как военная, так и мощная политико-пропагандистская подготовка. С этой целью Верховное командование вермахта (ОКВ) приступило к формированию в декабре 1941 г. в Польше так называемых «восточных легионов» из народов Поволжья, Кавказа, Закавказья и Средней Азии – «кавказцев» и «туркестанцев». К июню 1942 г. было создано шесть легионов, которые по-батальонно были отправлены на Восточный фронт [22, р. 17-19].

Помимо военной, эта акция имела, скорее, пропагандистскую цель, так как именно на Кавказе и в Закавказье гитлеровцы предполагали провести так называемый «эксперимент», с предоставлением «местному населению широкой автономии» [14, с. 25].

Для этого, в пропагандистских целях, ими был создан целый ряд так называемых «национальных комитетов». Все они находились на территории

Германии (за исключением Крымско-татарских мусульманских комитетов) и должны были представлять, по мнению их членов, «правительства в изгнании», вооруженными силами которых и должны были стать «национальные легионы». Нацисты же считали их орудием своей пропаганды.

Тем не менее, «кавказский эксперимент» стал прологом к изменениям в немецкой оккупационной политике и, соответственно, в использовании в ней коллаборационистов, которые произошли в конце 1942 – начале 1943 г.

18.12.1942 г. Розенберг и руководящие сотрудники его министерства обсудили на конференции начальников оперативных тылов вермахта и представителей центральных военных управлений ситуацию в оккупированных советских районах. Лейтмотивом этой конференции была фраза, сказанная Розенбергом: «Россию (в широком смысле СССР. – О.Р.) могут победить только русские (в широком смысле все народы СССР. – О.Р.)». Ее основной темой был вопрос о возможностях привлечения советского населения к более тесному сотрудничеству с оккупантами. И, наконец, основной целью – изыскание способов и средств для пополнения за счет советских граждан вооруженных сил на фронте и рабочей силы в тылу [14, с. 260-261].

Одним из найденных средств стало «разрешение на ограниченное участие населения в решении управленческо-административных вопросов» [14, с. 261].

Это выразилось, прежде всего, в создании крупных «представительных» и «совещательных» органов национального масштаба, которые опять-таки не играли какой-нибудь значительной роли («Белорусская Центральная Рада», «Украинский национальный комитет» и т. п.) [14, с. 62-63].

На заключительном этапе войны, в конце 1944 – начале 1945 г. (фактически уже после падения оккупационного режима на территориях СССР) нацисты попытались создать ряд «национальных» и «независимых» «правительств», с некоторыми из которых они даже заключили «соглашения». Как правило, эти «правительства» были созданы путем преобразования пропагандистских «национальных комитетов». Апогеем этой политики стало объединение некоторых «правительств» во власовский «Комитет освобождения народов России» (КОНР) в ноябре 1944 г. на Пражском конгрессе [9, с. 66-71]. Однако это уже ни к чему не могло привести и, тем более, изменить ход войны.

В сфере военного коллаборационизма после 1942 – 1943 гг. также произошел ряд существенных изменений.

Поскольку одной из целей оккупантов было привлечение как можно большего количества людей в свои вооруженные силы, ими был проведен ряд принудительных мобилизаций (естественно, не от своего лица, а от лица «местных самоуправлений»), прежде всего в Белоруссии (в «Белорусскую краевую оборону») и в Прибалтике (в эстонские и латышские полки «пограничной стражи»). Однако эти мобилизации, из-за сопротивления населения, в основном, провалились, а боеспособность все-таки набранных частей была очень низкой [14, с. 269-271].

В этот период также начался набор добровольцев и в войска СС, подчинявшиеся рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру, который решил отойти от расовых

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (1941 – 1944)

критериев при наборе в эти части (до 1942/43 гг. в них могли служить исключительно «арийцы»).

Поэтому уже в течение 1943 г. появились так называемые «иностранцы» дивизии войск СС, среди которых было шесть «восточных» (две латышские, одна эстонская, одна украинская, одна русская и одна белорусская) дивизии и одно «восточно-тюркское соединение» (численностью до полка), состоящие из среднеазиатских добровольцев и крымских татар [24, р. 9-10, 17-18, 19-20, 24-25].

В конце 1944 – начале 1945 г., вместе с созданием «национальных правительств», происходит преобразование разрозненных частей и соединений в «вооруженные силы» этих «правительств». Так были созданы «Русская освободительная армия» (РОА), «Украинская национальная армия» (УНА), имели место попытки создания «Кавказской освободительной армии» и «Туркестанской национальной армии». Однако эти армии зачастую имели в своем составе не больше двух дивизий или вообще существовали только на бумаге.

Использование коллаборационистов в немецкой оккупационной политике в годы второй мировой войны не было однозначным явлением. Более того, из-за ряда характерных особенностей (в основном национального характера) было как бы два коллаборационизма: западноевропейский, классический и коллаборационизм на временно оккупированных территориях СССР (в более широком смысле – восточноевропейский). Эти особенности, на наш взгляд, следующие:

1. Вследствие авторитарных форм правления, которые существовали в большинстве стран Восточной Европы и в СССР и наличия, поэтому, огромного числа недовольных властью, коллаборационизм принял там форму не простого сотрудничества с врагом, а форму гражданской войны.

2. Само понятие коллаборационизма изначально связано с немецкой оккупационной политикой, так как только вследствие ее стали возможны сотрудничество, в широком смысле слова, оккупантов и местного населения в административных органах или вооруженных формированиях, созданных немцами.

3. Создание новых органов власти вместо существующих было поставлено нацистами во главу угла именно в СССР, так как одним из методов оккупационной политики там было расчленение Советского Союза. Причем это расчленение происходило, в первую очередь, по национальному, а потом уже по административному признаку.

4. В Западной и Центральной Европе нацисты обычно готовили кадры коллаборационистов заранее, до начала войны. Прежде всего эта подготовка происходила в рядах так называемых «пятых колонн» – явления, которое стало одним из составляющих, более того, – одним из главных орудий германской внешней политики. В СССР же немцам перед войной так и не удалось создать организованной «пятой колонны». Поэтому в начале войны они в качестве «пятой колонны» использовали эмигрантов, а когда выяснилось их полное незнание реалий советской жизни, стали привлекать к сотрудничеству местных жителей.

5. Сам коллаборационизм, как в Европе, так и в СССР, можно разделить на гражданский (работа в органах оккупационной администрации) и военный (служба в так называемых «добровольческих формированиях»).

В зависимости от того преобладали ли в использовании коллаборационистов политические или военные цели, этот процесс можно условно разделить на два этапа. На территории СССР этим водоразделом является конец 1942 – начало 1943 г., и связан он с ходом военных действий на советско-германском фронте.

На первом этапе ясно видно преобладание военных целей над политическими. Последние играют подчиненную роль и используются в основном для пропаганды. Поэтому в гражданской сфере коллаборационисты используются на низовом уровне (в органах местного самоуправления).

Что касается создания добровольческих формирований, то здесь, прежде всего из-за запрета Гитлера, создавались только части вспомогательной полиции для поддержания порядка или добровольцы принимались в немецкие части в индивидуальном порядке.

«Кавказский эксперимент» рейха по наделению населения значительными правами стал как бы прологом к изменениям в оккупационной политике немцев, происшедших в начале 1943 г.

На втором этапе происходит уравнивание значения политических и военных целей. Теперь при помощи политической игры немцы пытаются добыть больше живой силы для фронта и рабочей силы для тыла.

Поэтому в гражданской сфере немцы, «пытаясь создать у населения иллюзию решения собственной судьбы», дают добро на создание «национальных правительств» и «представительных органов».

В военной же сфере происходит объединение (в основном, на бумаге) разрозненных «добровольческих формирований» в «национальные армии», которые должны были стать вооруженными силами своих «правительств».

Такие, вкратце, особенности привлечения и использования коллаборационистов немецкими оккупационными властями на оккупированной территории СССР в период Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». – М.: Изд. агентства печати «Новости» 1973. – 342с.
2. Бетелл Н. Последняя тайна. – М.: Новости. 1992. – 253с.
3. Великая Отечественная война. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832с.
4. Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». – М.: Мысль, 1966. – 173с.
5. Деларю Ж. История гестапо. – Смоленск: Русич, 1993. – 480с.
6. Диксон Ч., Гейлбрунн О. Коммунистические партизанские действия. – М.: Изд. ин. лит., 1957. – 291с.
7. История фашизма в Западной Европе / Под ред. Г.С. Федотова и др. – М.: Наука, 1978. – 613с.
8. Киссельгоф И.С. История Франции в годы второй мировой войны. – М.: Высшая школа, 1975. – 208с.
9. Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. – Харьков: Простор, 1991. – 238с.
10. Косік В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. – Львів: НТШ, 1993. – 660с.
11. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1987. – 509с.
12. Мосли Л. Утраченное время. – М.: Воениздат, 1972. – 376с.
13. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945. – М.: Воениздат, 1976. – Т.3. – 416с.
14. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). – М.: Воениздат, 1974. – 387с.

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА
ТЕРРИТОРИИ СССР (1941 – 1944)**

15. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – Кн. 1. – 416с.
16. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944). – М.: Политиздат, 1965. – 388с.
17. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: Миф, 1993. -- 382с.
18. Романько О.В. Добровольческие формирования из граждан СССР в германской армии на территории Крыма (1941-1944). Этапы создания и деятельности // Культура народов Причерноморья. – 1998. – №5. – С. 286-290.
19. Швагуляк М.М. Украина в экспансионистских планах германского фашизма. – К.: Наукова думка, 1983. – 246с.
20. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1986. – 270с.
21. Энциклопедия Третьего рейха. – М.: Локид-Миф, 1996. – 562с.
22. Caballero-Jurado C., Lyles K. Foreign volunteers of the Wehrmacht. 1941-1945. – London: Osprey, 1995. – 40p.
23. Niger T., Abbot P. Partisan Warfare. 1941-1945. – London: Osprey. 1983. – 40p.
24. Windrow M. The Waffen-SS. – London: Osprey, 1983. – 40p.

Поступило в редакцию 28 августа 2001 г.